

Томас Манн

**Собрание сочинений в десяти
томах**

Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М23

Манн Т.
М23 Собрание сочинений в десяти томах: Том II / Томас Манн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 755 с.

ISBN 978-5-458-45874-0

Настоящее издание представляет собой собрание сочинений известного немецкого писателя-прозаика, лауреата Нобелевской премии по литературе (1929) Томаса Манна (1875–1955). В собрание входят все известные произведения автора за исключением романа «Иосиф и его братья».

ISBN 978-5-458-45874-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

П Р О Л О Г

Действие происходит на Альбрехтсштрассе, столичной магистрали, соединяющей Альбрехтсплац и Старый замок с казармой гвардейских стрелков, — в дневные часы, среди недели, безразлично в какое время года. День не плохой и не хороший. Дождя нет, но небо не безоблачно; оно серенькое, будничное, скучное, на улице все так обыденно и тускло, даже помыслить о чем-либо таинственном и сверхъестественном невозможно. Движение не слишком оживленное, без особого шума и толчеи, что вполне отвечает неделовому характеру города. Пробегают трамваи, катятся извозчицьи пролетки, по тротуару снует народ, бесцветная толпа, прохожие, обыватели, простолюдины. Заложив руки в прорезанные наискось карманы серых шинелей навстречу друг другу идут двое военных: генерал и лейтенант. Генерал приближается со стороны замка, лейтенант — со стороны казармы. Лейтенант — еще желторотый юнец, почти подросток, узкоплечий, темноволосый, скуластый, как многие уроженцы этого края, синие глаза глядят немного устало, на мальчишеском лице приветливое, но замкнутое выражение. Генерал — фигура в высшей степени внушительная, белый как лунь, рослый и дородный. Брови — словно клочья ваты, а пышные усы прикрывают губы и даже подбородок. Поступь у него неторопливая, сабля бряцает об асфальт, плюмаж развевается на ветру, широкий красный лацкан

шинели отлетает при каждом шаге. Так они приближаются друг к другу. Может ли из этого получиться какая-нибудь неувязка? Ни в коем случае. Для каждого наблюдателя естественный исход их встречи предreshен. Здесь налицо взаимоотношение между старцем и юношей, начальником и подчиненным, маститым служакой и зеленым новичком. Здесь налицо огромная дистанция в чинах, все здесь предусмотрено строгими предписаниями. Пусть же вступит в действие естественный порядок вещей! А что происходит на деле? На деле совершается нечто неожиданное, тягостное, чудесное и несуразное. Узрев юного лейтенанта, генерал сразу же удивительным образом меняется. Он вытягивается в струнку и вместе с тем становится как будто меньше. Он спешит, так сказать, умерить важность своей стати, он сдерживает бряцание сабли, лицо у него принимает строгое и напряженное выражение, он явно теряется, не знает, куда смотреть, и, чтобы скрыть это, устремляет взгляд из-под ватных бровей куда-то вкось на асфальт. Да если присмотреться, видно, что юному лейтенанту тоже не по себе, но, как ни странно, он держится непринужденнее и лучше владеет собой, нежели седовласый командир. Стиснутые губы складываются в скромную и одновременно милостивую улыбку, а глаза, как будто без малейшего усилия, спокойно и уверенно смотрят пока что мимо генерала, в пространство. Вот они уже в трех шагах друг от друга. И вместо того чтобы отдать по уставу честь, юнец-лейтенант слегка откидывает голову, вынимает из кармана правую руку — почему-то одну только правую — и этой затянутой в белую перчатку правой рукой делает легкий ободряюще-благосклонный жест, иначе говоря, лишь приподымает ее ладонью вперед и чуть раздвигает пальцы; но генерал, держа руки по швам, только и ждал этого знака, теперь он вздергивает руку к каске, с полупоклоном отступает в сторону, как бы очищая дорогу, и снизу вверх приветствует лейтенанта, а сам при этом багровеет и смотрит на него благоговейно увлажненным взором. Тут и лейтенант, приложив руку к фуражке,

отвечает на отданную начальником честь, отвечает, приветливо просияв всем своим ребяческим лицом, отвечает и идет дальше.

Чудеса! Неслыханное дело! Он идет дальше. На него смотрят, а он не смотрит ни на кого, он смотрит вперед, поверх толпы, взглядом дамы, которая знает, что ею интересуются. Его приветствуют, а он кивает в ответ, ласково и все же свысока. Ходит он как-то неловко, кажется, будто он не привык ходить пешком или смущен всеобщим вниманием, — слишком уж нетверды и робки его шаги, временами кажется даже, что он прихрамывает.

Полицейский становится во фронт, вышедшая из магазина нарядная дама с улыбкой низко приседает. Прохожие оглядываются ему вслед, кивком указывают на него, поднимают брови и шепотом произносят его имя.

Это Клаус-Генрих, младший брат Альбрехта II и наследник престола. Еще виднеется его удаляющаяся фигура. Всем знакомый и все же отчужденный, проходит он среди людей, и даже в самой гуще кажется, будто его окружает пустота; он проходит, одинокий, неся на узких плечах бремя своего высокого сана.

О С Л О Ж Н Е Н И Е

Столица пушечными выстрелами приветствовала переданное всеми современными способами известие о том, что в Гримбурге великая герцогиня Доротея вторично разрешилась от бремени сыном. Над городом и окрестностями прогремело семьдесят два выстрела, произведенных войсками с вала «Цитадели». Вслед за тем и пожарная команда, чтобы не отстать, начала пальбу из старинных пушек; длинные паузы между залпами немало распотешили обывателей.

Замок Гримбург расположен на лесистом холме над живописным городком, который носит то же название и отражает свои покатые шиферные кровли в омывающем его рукаве реки; от столицы до него полчаса езды по нерентабельной пригородной железнодорожной ветке. Стоящий на холме замок был на страх врагам отстроен в смутные годы маркграфом Клаусом-Гримбартом, родоначальником правящей династии, и не раз с тех пор обновлялся и снабжался удобствами, соответствующими каждой новой эпохе, всегда поддерживался в пригодном к приему своих обитателей состоянии и был особо чтим как родовое гнездо царствующей фамилии и колыбель ее отпрысков. Ибо согласно династическому закону и обычаю все прямые потомки Гримбарта, все дети царствующей в данное время четы должны рождаться на свет в этом замке. Пренебрегать такой традицией не полагалось. Страна видывала и просвещенных и вольно-

думствующих монархов, которые смеялись над этим правилом и все же, пожимая плечами, подчинялись ему. А теперь уж поздно было от него отступать. Зачем без надобности нарушать почтенный обычай, пускай даже неразумный и отживший, когда он в известной мере оправдал себя? В народе укрепились вера, что это все не зря. Дважды на протяжении пятнадцати поколений дети правящих государей в силу случайности появлялись на свет в других замках. И что же — оба умерли неестественной и недостойной смертью. Но, начиная с Генриха Смиренного и Иоганна Жестокého, а также их прекрасных и горделивых сестер вплоть до Альбрехта, отца нынешнего великого герцога, и до самого Иоганна-Альбрехта III, все властители страны, их братья и сестры рождались только здесь, и здесь же шесть лет назад Доротея произвела на свет первого своего сына, наследника великогерцогского престола...

К тому же родовой замок был не только величественным, но и мирным пристанищем. Летом его предпочитали даже чопорно-нарядному Голлербрунну за прохладу покоев и пленительно-тенистые окрестности. Живописен, хоть и не очень удобен был подъем к замку от городка, по вымощенной грубым булыжником улице между убогими домишками и облупленной крепостной стеной, через широкие ворота до старинного погребка и постоянного двора у входа на замковую площадь, посреди которой стояла каменная статуя Клауса-Гримбарта, строителя замка. На противоположном склоне был разбит обширный парк, откуда пологие дороги вели вниз в поросшую лесом, слегка холмистую местность, располагающую к уединенной прогулке пешком и катанию в экипаже.

Внутри же замок в самом начале правления Иоганна-Альбрехта III заново роскошно отделали, с затратой больших средств, что вызвало немало толков. Убранство апартаментов освежили, сохранив стиль рыцарских времен, но придав им уют, гербы на каменных плитах «Судебного зала» были в точности воссозданы по образцу старых. Замысловато и многообразно переплетенные крестовые своды заблестели свежей

позолотой, во всех комнатах появились паркетные полы, а большой и малый банкетные залы были украшены фресками во всю стену, выполненными кистью академика живописи фон Линдемана. Эпизоды из истории правящей династии были исполнены в декоративной и прилизанной манере, далекой и чуждой беспокойным порывам позднейших направлений. В замке было предусмотрено решительно все. Вместо неудобных старинных каминов и круглых печей из пестрого изразца, ярусами поднимавшихся к потолку, устроили даже отопление углем, чтобы в случае чего там можно было пожить и зимой.

Но в тот день, когда был дан салют семьюдесятью двумя выстрелами, стояла самая лучшая пора поздней весны или раннего лета, начало июня — духов день. Получив рано утром телеграмму, что роды начались на рассвете, Иоганн-Альбрехт прибыл в восемь часов по нерентабельной пригородной ветке на станцию Гримбург, где был встречен тремя-четырьмя местными должностными лицами — бургомистром, судьей, пастором и врачом, — сел, напутствуемый их пожеланиями, в коляску и незамедлительно направился в замок. Великого герцога сопровождали первый министр, доктор прав барон Кнобельсдорф и генерал-адъютант генерал-от-инфантерии граф Шматерн. Немного погодя в герцогский родовой замок прибыл еще кое-кто из министров, придворный проповедник, президент консистории доктор богословия Визлиценус, несколько придворных и свитских чинов и сравнительно еще не старый адъютант, капитан фон Лихтерло. Хотя при роженице находился великогерцогский лейб-медик в чине полковника, доктор Эшрих, Иоганну Альбрехту вздумалось взять с собой в замок доктора Плюша, молодого местного врача, к тому же еврейского происхождения. Скромный и серьезный труженик, заваленный работой, не ожидал такой чести и в растерянности залепетал в ответ на приглашение:

— С удовольствием... С удовольствием... — чем вызвал улыбки окружающих.

Спальной великой герцогине служил «брачный покой», пятиугольная, пестро расписанная комната, расположенная во втором этаже, из ее парадного высокого окна открывался великолепный вид на дальние леса, холмы и излучины реки, а по карнизу шли медальоны с портретами августейших невест, которые в стародавние времена ожидали здесь супруга и повелителя. В этой комнате и лежала Доротея; к изножию кровати была привязана широкая и крепкая тесьма, за которую великая герцогиня держалась, как играющий в лошадки ребенок, и ее красивое пышное тело напрягалось в потугах. Врач-акушерка госпожа Гнадебуш, ученая и участливая женщина с маленькими нежными ручками и карими глазами, которым толстые, круглые стекла очков придавали загадочный блеск, увещевала монархиню.

— Крепитесь, крепитесь, ваше королевское высочество... Скоро кончится... Все идет как по маслу... Второй раз куда легче... Благоволите раздвинуть ноги... и подбородком упирайтесь в грудь.

Сиделка, как и акушерка, вся в белом, тоже старалась помочь роженице, а в промежутках между схватками неслышно сновала взад-вперед с тазами и полотенцами. За разрешением от бремени надзирал лейб-медик, мрачный мужчина с седеющей черной бородой и опущенным, словно парализованным левым веком. Поверх полковничьего мундира на нем был операционный халат. Время от времени в опочивальню посмотреть, как подвигаются роды, наведывалась приближенная Доротеи, обергофмейстерина, баронесса фон Шуленбург-Трессен, тучная, страдающая одышкой дама с наружностью добродетельной мещанки, что не мешало ей на придворных балах обнажать свою необъятную грудь. Поцеловав руку повелительницы, она возвращалась в дальнюю комнату, где несколько сухопарых фрейлин болтали с дежурным камергером великой герцогини, графом Виндиш. Доктор Плюш, накинувший на фрак белый халат, как маскарадное домино, стоял возле умывальника со скромным и внимательным видом,

Иоганн-Альбрехт пребывал в сводчатой комнате, располагавшей к трудам и раздумью и отделенной от брачного покоя только так называемой куаферной и приемной. Эта комната именовалась библиотекой из-за нескольких рукописных фолиантов, наклонно стоявших на огромном шкафу и заключавших в себе историю замка. Обстановка в комнате была кабинетная, стенной фриз украшали глобусы.

В раскрытое сводчатое окно дул порывистый ветер горных высот. Великий герцог приказал подать чаю. Камердинер Праль сам сервировал его; но чай стоял забытый на доске секретера, а Иоганн-Альбрехт в тягостном возбуждении непрерывно ходил из угла в угол. Каждый его шаг сопровождался монотонным поскрипыванием лакированных сапог. Флигель-адъютант фон Лихтерло, томясь в полупустой приемной, прислушивался к этому скрипу.

Министры, генерал-адъютант, придворный проповедник и свитские господа, всего человек десять, ожидали в парадных апартаментах, расположенных в бельэтаже. Они бродили по большому и малому банкетным залам, где простенки между Линдемановскими картинами были декорированы знаменами и оружием; они стояли, прислонясь к тонким пилонам, которые развешивались над их головами в пестро расписанные своды; они подходили к узким, высоким, под потолок, окнам со свинцовыми переплетами и смотрели на реку и на городок; они присаживались на каменные скамьи, идущие вдоль стен, или на кресла перед каминами, готические колпаки которых, согнувшись, поддерживали несоразмерно маленькие, уродливые каменные карлики. В солнечных лучах весело блестело шитье саковничьего мундира, орденские звезды на подбитой ватой груди колесом и широкие золотые лампасы на брюках.

Разговор не клеился. То и дело кто-нибудь прикрывал треуголкой или затянутой в белую перчатку рукой судорожно разевающийся рот. Почти у всех на глазах стояли слезы. Многие не успели позавтракать. Кое-кто от нечего делать опасно разглядывал операционный инструментарий и круглый сосуд с хлоро-

формом в кожаном футляре, которые лейб-медик Эшрих на всякий случай держал здесь наготове. Обергофмаршал фон Бюль цу Бюль, дородный мужчина с вкрадчивыми жестами, каштановым париком, с пенсне в золотой оправе и длинными желтыми ногтями, успел обычной отрывистой скороговоркой рассказать целую серию анекдотов и теперь расположился в креслах, чтобы воспользоваться своей способностью дремать не закрывая глаз, — с застывшим взором и достойным видом утратить представление о времени и пространстве, ни на йоту не оскорбляя то высокое место, в котором он обретался.

У доктора фон Шредера, министра финансов и земледелия, в этот день состоялась беседа с первым министром доктором прав бароном Кнобельсдорфом, министром внутренних и иностранных дел, а также министром великогерцогского двора. Это была бессвязная болтовня. Сперва они обмолвились несколькими словами об искусстве, перешли на финансовые и экономические вопросы, довольно нелестно отозвались об одном придворном сановнике и коснулись самих августейших особ. Разговор завязался в тот миг, когда господа министры, заложив за спину руку с треуголкой, остановились перед одной из картин в большом банкетном зале; в беседе подразумевалось гораздо больше, чем высказывалось.

— А тут? Что тут изображено? — спросил министр финансов. — Вы ведь сведущи во всем этом, ваше превосходительство...

— Весьма поверхностно. Здесь римский император жалуется ленными владениями своих племянников, юных принцев, отпрысков правящей династии. Видите, ваше превосходительство, оба августейших юноши преклонили колена и приносят торжественную присягу на мече императора.

— Великолепно, поистине великолепно! Какие краски! Блистательно! У принцев чудесные золотые кудри! А император... просто загляденье! Да, Линдеман заслужил те почести, которые ему расточают.

— Те, что ему расточают, бесспорно заслужил.

Высокий господин с белой бородой, в изящных золотых очках на белом носу, с небольшим брюшком, выпирающим прямо из-под груди, и с дряблой шеей, складками нависшей на расшитый стоячий воротник вицмундира, доктор фон Шредер, все еще смотрел на картину, но уже неуверенным взглядом; в душу к нему закралось сомнение, нередко овладевавшее им во время разговора с бароном. Кто его разберет, этого Кнобельсдорфа, этого фаворита, облеченного высшей властью... Подчас в его замечаниях, в его ответах чувствуется неуловимая насмешка... Он много путешествовал, изъездил весь земной шар, образование у него самое разностороннее, а взгляды чересчур уж своеобразны и независимы. Однако держится он вполне корректно. Господин фон Шредер не мог до конца понять его. При всей общности воззрений, полного единодушия с ним не получалось. В высказываниях его всегда чувствовались скрытые недомолвки, в своих суждениях он обнаруживал такую терпимость, что невольно думалось: руководит ли им чувство справедливости или пренебрежение? Но подозрительнее всего была его улыбка, губы в ней не участвовали, одни глаза, в углах которых появлялись лучики, а может быть, наоборот — морщины постепенно сложились в лучики именно благодаря этой улыбке... Барон Кнобельсдорф был моложе министра финансов, мужчина в цвете лет, хотя в его закрученных усах и расчесанных на прямой пробор волосах уже пробивалась седина, — вообще же сложения он был коренастого, с короткой шеей, и воротник сплошь расшитого придворного мундира явно стеснял его. Выждав, когда господин фон Шредер окончательно впал в растерянность, он продолжал:

— Но, пожалуй, для рачительного придворного финансового ведомства было бы выгоднее, чтобы великий муж довольствовался преимущественно орденами и титулами, а не... скажем без обиняков, во что, по-вашему, стало это милое произведение искусства?

Господин фон Шредер встрепенулся. Стремление и надежда найти с бароном общий язык, несмотря